

Прикованный к Слову

К 60-летию писателя Владислава Лецика

Не всегда Владислав Лецик был бородатым. Эту неожиданную «истину» я не то чтобы открыл, но как-то по-особому ощутил в морозные дни января наступившего года. Было время, когда я и сам носил бороду «сугрева ради», а до того — из некоего атавистического мужицкого любопытства. По внешним контурам сей «прически» на лице можно многое сказать о ее владельце. Но лично мне подобные детективные изыски вроде и ни к чему.

Покопавшись в памяти, обнаружил, что знаю Владика лет этак сорок с небольшим хвостиком, еще со студенчества. В ту пору я секретарил в нашей пединститутской многотиражке «За педкадры», куда истфиловские таланты несли свои вирши, реже прозу, еще реже заметки на темы студенческого жития-бытия. В одном таком рассказике зацепила за живое навороченная фраза, что-то вроде (цитирую по памяти, так что извиняюсь перед автором за возможные неточности): «Все мы были студентами! — кричали мне, хлопая по плечу, слесари и дворники, истопники и вахтеры, кочегары и грузчики, и даже престарелый мой дед, окончивший два класса церковноприходской школы...». Хваткость и зародыш будущей мастеровитости зоркого бытописателя-реалиста проклевывались из этого, пока что еще литературного, пассажа. При желании можно обнаружить здесь начатки стилистического своеобразия, замешанного на способности усмехнуться не столько над описываемыми людьми, сколько над самим собой. Качество, надо сказать, редчайшее — в современной беллетристике в особенности. Жизнь потом подтвердила мои «подозрения» о не случайности появления имени Лецика в литературе. Но размышлять об этом — многостраничный манускрипт писать потребуется. Завершая абзац, упомяну, что в студенчестве наш герой не то что бороды не носил, но и брился не чаще раза в неделю. Создание было юное, однако с зачатками разинской размашистости, за что влетало порой младшекурснику от нас, «стариков»-преддипломников. Те уроки пошли впрок, но не все...

Мощный «десант» высадила амурская литературная общественность на седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве в 1979 году. Бамовскую часть представляли Тамара Шульга, Надежда Пузыревская, Иван Шестак, Александр Симаков, Владимир Гузий, Владимир Смирнов, Александр Сакин. Мы с Владиславом Лециком были потряжены от благовещенской литературной поросли. На излучающей азарт физиономии Лецика тогда уже красовалась борода, правда, еще не седая. Буквально накануне совещания в газете «Литературная Россия» напечатали его рассказ «Раз на раз не приходится», волна успеха уверенно поднимала на гребень дальневосточный талант. В семинаре известного писателя Василя Быкова Владислав получил полное признание, а от самого мэтра — дарственный автограф, о котором следует сказать особо. На заключительном банкете расторопные москвичи подсовывали Быкову его книги для памятных надписей. У Лецика, конечно же, книги наставника не было. Растерянно похлопав глазами, он протянул Быкову пропуск в гостиницу «Юность», где мы проживали. На обороте Василий Владимирович размашисто начертил: «Пропуск в литературу». Москвичи онемели от зависти. Но мудрый писатель охладил всеобщую эйфорию фразой: «Только боюсь, что дивиденды будут небольшими». Как в воду глядел!

Первым не сумел, а точнее, не захотел воспользоваться «пропуском в литературу» сам же Владик. В перерыве пленарных заседаний мы повстречались с моим школьным и институтским однокашником, известным археологом Анатолием Деревянко. На ту пору он, свежееиспеченный член-корреспондент Академии наук СССР, был секретарем ЦК ВЛКСМ по идеологии и курировал работу совещания. Деревянко представил нас с Лециком главному директору книжного издательства «Молодая гвардия» Владимиру Девятерику и весьма похвально отозвался о вполне заслуживающей того повести Лецика «Дед Бянкин — частный сыщик», опубликованной в альманахе «Приамурье мое» за 1977 год, а заодно отметил и рассказ в «Литературной России».

Директор мощнейшего и богатейшего на ту пору издательства в стране предложил Владиславу представить в короткий срок рукопись его повести и рассказов на предмет скорейшего напечатания его первой, пусть и небольшой книжки. На что Владик, неожиданно взъерошив свою бороду, уркаганским таежным баском вякнул нечто несуразное: мол, брошюры пусть другие печатают, а я подожду, пока не подготовлю толстую книгу. (А кто эти «другие», печатающие «брошюры», — было предельно ясно. Все мы, участники совещания,

только что получили в качестве памятных сувениров тоненькие книжечки «молодого писателя» Леонида Ильича Брежнева «Малая земля» и «Возрождение»).

У меня даже уши завяли от такого несносного куража ново-явленного «гения». Деревянко с сожалением выслушал земляка, извинился и, сославшись на занятость, растворился в кулуарах фешенебельной гостиницы «Юность», где мы жили и работали. Напоследок, однако, пригласил нас заглянуть к нему в ЦК ВЛКСМ «на чаек».

Девятерик с головы до ног смерил взглядом Лецика, любуясь напоследок обликом удалого «ухаря-купца». Не привык вершитель писательских судеб к такой реакции на свои предложения, чего уж там говорить. На сем мы и раскланялись, теперь уже, как показала жизнь, навсегда...

А к Деревянко мы на следующий день заглянули. Когда пили обещанный чай с маленькими московскими, обсыпанными маком бараночками и вспоминали институтские годы, в кабинет вошел невысокого роста генерал-лейтенант с петлицами военного летчика и двумя Звездами Героя Советского Союза на мундире. Густые брови и мрачноватый вид придавали ему весьма разительное сходство с Брежневым. Не сразу, но все же мы поняли, что перед нами знаменитый советский космонавт Георгий Тимофеевич Береговой. Этот эпизод стоит целого рассказа, но сейчас я скажу лишь о его завершении. Выпив с нами крепкого, ароматного и, что немаловажно, настоящего цейлонского чая, вспомнив предвоенные годы службы на Дальнем Востоке, Береговой сказал нам фразу, которая врезалась мне в память на всю жизнь. «Вы знаете, молодые люди, — Георгий Тимофеевич поднял густые брови, и глаза его дружелюбно согрелись, — я воевал на «летающем танке», штурмовике ИЛ-2, прошел сложнейшую подготовку в отряде космонавтов и поднялся в космос. Но когда недавно сел писать свою

Владислав Лецик —
заместитель ответсекретаря
«Амурской правды». 1979 г.

книгу воспоминаний, то понял, что писательский труд нисколько не легче. Не считите это за комплимент, я совершенно искренне говорю. Вот уж где всего себя надо отдавать без остатка».

Не думаю, что герой войны и космоса лукавил.

Стезя моего товарища по литературному цеху только подтвердила правдивость слов Быкова и Берегового. Кем только не пришлось побывать Лецику до того, как стал писателем! Работал журналистом в районке «Горняк Севера», лесорубом и плотником в геологоразведочной экспедиции. Бондарничал в Селемджинском зверопромхозе, сколачивая бочкотару под грибы и ягоды. Мастерил, как некогда и его дед-жестянщик Игнатий Пупышев, печки для охотничьих избушек и палаток. Заготавливал пушнину, став профессиональным охотником. В завершение вернулся к филологическому труду. Финал его газетной работы пал на годы службы в «Амурской правде», где дорос до чина заместителя «ответсека». Пробовал посидеть на литературных хлебах, но, вкусив от безгонорарья перестроечных лет, занялся издательской деятельностью. Основанная им компания РИО (Редактирование и Оформление) дает нелегкий, но более или менее гарантированный хлеб. На ее базе он осуществляет выпуск альманаха «Приамурье», редактором-составителем коего является десяток последних лет.

«Пропуск в литературу» оказался форменным наказанием, переломав напрочь многие творческие замыслы и житейские планы. Имея высочайший художественный вкус и незамутненность взгляда на собственные сочинения, все чаще и чаще Лецик оставался в неудовлетворенности. Не то, не так! А что, а каким образом?.. Большую часть рукописей своих рассказов и повестей Владислав даже сжег в одну далеко не лучшую пору жизни. Единственная персональная книга прозы «Пара лапчатых унтов» вышла в Хабаровске двадцать лет назад. Образовался зияющий провал в творческой жизни. Делая все для амурских литераторов, обращавшихся к нему за помощью в редакции, чтобы их книжки увидели свет, Лецик палец о палец не ударял ради себя самого. Но творческая жилка пульсировала, не давая покоя. А года летели пташками, не дожидаясь условленных часов и дат. Вопреки утверждению Пушкина — «лета к суровой прозе клонят», — лета склонили нашего героя к «суровой рифме». Лецик вновь, как и в юности, стал писать стихи, нечасто, но интересно. Опубликовал свои переводы англоязычных стихов Владимира Набокова, вернув их из тисков заморского языка в стихию вольной русской речи. Я люблю слушать, как Владислав читает свои стихи. Его хриплый голос, обо-

Владислав Лецик — редактор альманаха
«Приамурье». 2005 г.

жженный селемджинскими студенными ветрами и неразведенным спиртом, приправленным крепчайшей «махрой», обретает удивительную силу проникновения. Слушая его, вновь и вновь убеждаюсь, что поэзия — не только смысл, но и звук, мотив, интонация, вернее — их сплав.

Поредела борода Владислава, и подсыпало время в нее снежку отнюдь не таежного. Судьба не щадила его, но сломить никогда

не могла. То ли тому причиной его дальневосточная закалка, то ли более отдаленные украинские, центрально-русские, камские, а быть может, и польские корни, не знаю. Лично мне он напоминает иногда, когда я захожу в его рабочий кабинет и вижу товарища за редактурой, версткой и обработкой иллюстраций, легендарного Прометея. Только, в отличие от укравшего у богов огонь героя, прикован Владислав отнюдь не к гранитной скале, а к жестяному ящику компьютера. Отряхнувшись от наваждения метафоры, переведу сравнение в иную плоскость. Тонкий знаток русской устной и письменной народной речи, как и украинской «мовы», владеющий к тому же секретами литературного английского языка, он навечно прикован к Слову. С чем и встречает 22 января свое шестидесятилетие. Не верится, но факт. И пропуска за этот рубеж уже никакого не требуется.

«Амурская правда», 20 января 2006 г.